

А. Н. Коробова

OCRID: 0000-0003-1536-4344

✉ korobova@ifes-ras.ru

*Институт Китая и современной Азии РАН
(Россия, Москва)*

ПОЛЕМИКА О «ЛИТЕРАТУРЕ ШРАМОВ» И ПОЛИТИКА КНР В ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРЫ В КОНЦЕ 1970-Х — СЕРЕДИНЕ 1980-Х ГОДОВ

Аннотация. Основная проблематика китайской «литературы шрамов» (伤痕文学) — осуждение «культурной революции», психология страха, предательство близких, трагические судьбы интеллигенции, нравственные ориентиры молодого поколения, сбитые под влиянием политической пропаганды. Poleмика по поводу «литературы шрамов» началась сразу же после ее возникновения в 1978 г. В первые годы после «культурной революции» дебаты велись в основном вокруг тематики новых произведений и названия нового литературного течения, почти не касаясь собственно литературных аспектов, что вполне естественно: «литература шрамов» была тесно связана с политической историей КНР, и ее невозможно рассматривать в отрыве от политических реалий Китая. В более широком смысле это был спор о возможной переоценке взаимоотношений литературы и политики, а также сути реализма как творческого метода. По прошествии нескольких десятилетий, когда политический накал и идеологическая напряженность вокруг «культурной революции» снизились, «литература шрамов» продолжает вызывать интерес — но уже с точки зрения репрезентации в литературе эмоционального опыта переживания психотравмы.

Ключевые слова: современная китайская литература, «литература шрамов», Лю Синью, Лу Синьхуа, Фэн Цзицай

Для цитирования: Коробова А. Н. Poleмика о «литературе шрамов» и политика КНР в области литературы в конце 1970-х — середине 1980-х годов // Шаги/Steps. Т. 8. № 4. 2022. С. 120–135. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-4-120-135>.

*Статья поступила в редакцию 27 июля 2022 г.
Принято к печати 22 августа 2022 г.*

A. N. Korobova

OCRID: 0000-0003-1536-4344

✉ korobova@ifes-ras.ru

*Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)*

THE CONTROVERSY ABOUT “SCAR LITERATURE” AND THE LITERARY POLICY OF THE PRC IN THE LATE 1970S — MID-1980S

Abstract. “Scar Literature” (伤痕文学) was a mainstream movement in Chinese literature in the late 1970s — mid 1980s. It dealt mainly with the fate of the younger generation, which under the influence of political propaganda had abandoned genuine human values, with the tragic fates of the intelligentsia, and with the betrayal of loved ones. “Scar Literature” also used to describe the lawlessness that occurred in prisons and labor camps. In the first years after the “cultural revolution”, the controversy about “Scar Literature” was concentrated mainly around the themes and the name of the trend, almost without discussing the literary aspects themselves. Despite the weakening of ideological control after the end of the “cultural revolution”, the name “Scar Literature” was not approved by the authorities and even had a negative connotation: in 1979, articles appeared in the Chinese press, the authors of which opposed the use of the expressions “Scar Literature” and “exposure literature”, urging writers not to focus on the dark sides of the past and pointing out the high reputational risks for the CPC. In a broader sense, the polemics about “Scar Literature” were a dispute about a possible reassessment of the relationship between literature and politics, and the essence of realism as a creative method. After several decades, when the ideological tension regarding the “cultural revolution” has decreased, “Scar Literature” continues to arouse interest — but now as a literary representation of experiencing psychological trauma.

Keywords: contemporary Chinese literature, “Scar Literature”, Liu Xinwu, Lu Xinhua, Feng Jikai

To cite this article: Korobova, A. N. (2022). The controversy about “Scar Literature” and the literary policy of the PRC in the late 1970s — mid-1980s. *Shagi / Steps*, 8(4), 120–135. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-4-120-135>.

Received July 27, 2022

Accepted August 22, 2022

У истоков китайской «литературы шрамов» (伤痕文学, *shānghén wénxué*), возникшей после окончания «культурной революции», стояли два рассказа — «Шрамы» Лу Синьхуа и «Классный руководитель» Лю Синью. Они задали определенные векторы развития новейшей китайской литературы конца 1970-х — первой половины 1980-х годов, во многом предопределили ее темы, образы, мотивы и т. д. Хронологически первым был рассказ «Классный руководитель», но название новому литературному течению дал рассказ «Шрамы».

Главный герой рассказа Лю Синью (刘心武, род. в 1942 г.) «Классный руководитель» (班主任, 1977) [Лю 1977] (рус. пер.: [Лю 1982]), пекинский учитель Чжан Цзюньши, соглашается принять «на перевоспитание» в свой класс хулигана Сун Баоци, однако сталкивается с резким протестом против этого отличницы, комсорга класса Се Хуэйминь. Дело в том, что Баоци с компанией хулиганов украл книги из опечатанной еще со времен «культурной революции» школьной библиотеки. Среди этих книг был роман Э. Л. Войнич «Овод» — одна из любимых книг учителя. Отличница Хуэйминь считает, что любая книга, которой нет на полке магазина, политически неблагонадежна, и поэтому, хотя и не читала «Овода», убеждена, что это «непристойная», «желтая» книга, поскольку ее герои говорят о любви. Позиция самой «правильной» ученицы Се Хуэйминь огорчает учителя намного сильнее, чем ограниченность хулигана, попавшего в его класс: не столь трудно просветить невежественного Сун Баоци, труднее изменить твердые «революционные» убеждения Се Хуэйминь с ее неспособностью к саморефлексии. Классного руководителя мучает осознание колоссального вреда, который левацкая политика нанесла молодежи, не умеющей без подсказки сверху самостоятельно разобраться, хорошая в их руках книга или плохая. «Впрочем, нечему удивляться. Се Хуэйминь выросла до книг как раз в те годы, когда в культуре свирепствовала фашистская автократия» [Лю 1982: 91], — пишет автор рассказа.

Рассказу «Классный руководитель», при том, что политический ракурс и явная назидательность перевешивали его литературные достоинства, предстояло сыграть важную роль в истории современной китайской литературы. Но в ноябре 1977 г. он был встречен молчанием критики, хотя вызвал большой отклик среди читателей, приславших в редакцию журнала, в котором был опубликован рассказ, и лично автору несколько сотен писем [Бай 1985: 144]. На основе рассказа была создана радиопостановка, которую транслировало Центральное народное радио Китая. Между тем в «соответствующие органы» поступали анонимные письма, в которых проводились параллели между «Классным руководителем» и советской литературой оттепели, что в те годы было очень серьезным обвинением: в Китае считалось, что повесть Эренбурга «Оттепель» (1954) стояла у истоков антисталинской «ревизионистской» политической линии Хрущева [Лэй 2009 (гл. 3)]. Дело, вероятно, было не только в том, что устами учителя Лю Синью осуждал культурную деграцию общества и обвинял в «политике обскурантизма» «банду четырех» — группу членов Политбюро ЦК КПК во главе с женой Мао Цзэдуна Цзян Цин, контролировавшую деятельность КПК и КНР в последние годы жизни Мао Цзэдуна¹. В этом смысле рассказ «Классный ру-

¹ В «банду четырех», или «четверку» (四人帮, *sìrén bāng*) входили, помимо Цзян Цин, Чжан Чуньяо, Ван Хунвэнь и Яо Вэньюань. За расправу над руководителями партии и

ководитель» находился в русле массовой кампании критики «банды четырех», последовавшей после ареста ее членов 6 октября 1976 г. Однако китайский читатель, привыкший к аллюзиям в литературном тексте, в выражении «политика обскурантизма» (愚民政策, *yúmín zhèngcè*, букв. «политика оглупления масс») мог увидеть отсылку к аналогичному термину, использованному в докладе «О партии» репрессированного в годы «культурной революции» Лю Шаоци², решение о реабилитации которого было принято лишь через два с лишним года после публикации рассказа Лю Синью, в феврале 1980 г.

1978 год принес множество перемен: в мае 1978 г. возобновили свою деятельность расформированные в годы «культурной революции» творческие союзы, в том числе Всекитайская ассоциация работников литературы и искусства (ВАРЛИ) и Союз писателей Китая, снят запрет на публикацию переводов зарубежной литературы, в июле вновь начала издаваться пекинская газета «Вэньбао» («Литература и искусство»). 11 августа 1978 г. был опубликован рассказ Лу Синьхуа «Шрамы». 2 сентября 1978 г. «Вэньбао» организовала специальный семинар, на котором обсуждались рассказы «Классный руководитель» и «Шрамы», где впервые прозвучал термин «литература шрамов» [Чэнь 1999: 189].

Рассказ «Шрамы» (伤痕) первокурсника Фуданьского университета Лу Синьхуа (卢新华, род. в 1954 г.) первоначально был опубликован в университетской стенгазете, его прочел главный редактор шанхайской газеты «Вэньхуэйбао» (文汇报, «Литературный сборник») и, получив одобрение отдела пропаганды горкома партии, 11 августа 1978 г. перепечатал в газете. Главная героиня рассказа Ван Сяохуа, разделив судьбу многих тысяч молодых людей по всему Китаю, отмежевалась от матери, объявленной «правым элементом». После окончания «культурной революции» она получает известие о реабилитации матери и отправляется навестить ее, но, прибыв на вокзал, узнаёт, что мать накануне скончалась. Лицо матери было покрыто глубокими шрамами, но не менее глубокие шрамы остались и в душе героини. Публикация этого рассказа в период, когда еще действовал политический принцип «двух абсолютных» (защищать все решения, вынесенные председателем Мао, соблюдать все указания, данные председателем Мао), накладывавший табу на критику ошибок Мао Цзэдуна, требовала незаурядной смелости и решительности от редакции газеты и стала практическим действием по осуждению «культур-

государства, военачальниками, партийными и государственными чиновниками разного уровня и другие преступления Специальный трибунал Верховного суда КНР 23 января 1981 г. приговорил Цзян Цин и Чжан Чуньцяо к смертной казни, впоследствии замененной пожизненным заключением. Ван Хунвэня приговорили к пожизненному заключению, Яо Вэньюаня — к тюремному заключению на 20 лет [Тихвинский 2016: 178–183].

² Лю Шаоци (1898–1969) — председатель КНР (1959–1968), заместитель председателя ЦК КПК (фактически второе лицо в партии после Мао Цзэдуна), неоднократно посещал СССР. Во время «культурной революции» обвинен в «контрреволюционной деятельности», исключен из партии и смещен со всех постов. Скончался в тюрьме в 1969 г. Реабилитирован в 1980 г. [Тихвинский 2016: 143–148]. На VII съезде КПК в мае 1945 г. Лю Шаоци выступил с докладом «О внесении изменений в Устав партии», в котором заявил, что в партии наметилась тенденция отрыва от народных масс. В январе 1950 г. он переработал доклад и опубликовал его отдельной книгой под названием «О партии», в котором, в частности, писал, что некоторые товарищи «осуществляют голое администрирование, принимают поспешные решения, осуществляют патерналистское правление и реализуют “политику обскурантизма”» [Лю 1950].

ной революции», поэтому политический резонанс данного рассказа был не меньше литературного — его чтение транслировали более 20 радиостанций провинциальных центров [Лэй 2009 (гл. 3)].

Затронутые в рассказе темы — предательство близких, огромный вред, который «культурная революция» нанесла молодежи, — стали ключевой проблематикой «литературы шрамов». К этому течению относят также рассказы Лю Синьчу «Очнись, братишка!» (1979) и «Мне дорог каждый зеленый листок» (1979) [Желоховцев, Сорокин 1982: 177–189], раннюю прозу Чжан Сяньляна, рассказ Цзун Пу «Кто же я?» (1979) [Воскресенский 2007: 136–142], произведения Лю Биньяня «Люди и оборотни» (1979) [Желоховцев, Сорокин 1982: 200–247] и «Человек и его тень» (1980) [Желоховцев 1983: 11–54], повести Лу Яньчжоу «Сказание заоблачных гор» (1979) [Рифтин 1985: 199–266] и Цун Вэйси «Красная магнолия у каменной стены» (1979) [Федоренко 1988: 16–60], повести и рассказы Фэн Цзиця «На развилке, усыпанной цветами» (1979), «Крик» (1979), «Итальянская скрипка» (1981), «Высокая женщина и ее муж-коротышка» (1982), «Спасибо жизни» (1984) и другие произведения (см.: [Фэн 1987]).

Появление «литературы шрамов» — во многом стихийный процесс, когда пострадавшие от «культурной революции» люди выплескивали на страницы литературных произведений, нередко основанных на автобиографическом материале, свою боль, делились своим горьким опытом. На первых порах (1978–1980) преобладало изображение смертей, казней, пыток, описание публичного унижения на «митингах критики и борьбы» и т. д.

В упоминавшихся рассказах Лю Синьчу и Лу Синьхуа мы наблюдаем прямолинейную критику действий власти в период «культурной революции», ограниченную, впрочем, критикой «банды четырех» и «ее сторонников» (без указания имен). В рассказе «Классный руководитель» звучит призыв: «Спасите души детей, отравленные “бандой четырех”!»³, и в последующих произведениях за крайне редким исключением мы видим направление вектора ненависти исключительно на «банду четырех», возложение на нее вины за происходившее в Китае. В качестве примера можно привести рассказ Ван Япина (王亚平, 1905–1983) «Святая миссия» (神圣的使命, 1978) [Ван 1996] (рус. пер.: [Желоховцев, Сорокин 1982: 107–140]), где сторонники «банды четырех», творящие произвол, обличаются еще более явно. По сюжету, много лет назад один партийный работник из карьерных соображений оклеветал соседа, обвинив того в попытке изнасилования несовершеннолетней, и соседа приговорили к 15 годам тюремного заключения. Несмотря на очевидную сфабрикованность дела, попытки добиться освобождения осужденного вызывают сопротивление высокопоставленных партийных чиновников, боящихся потерять свои посты. Честный работник органов общественной безопасности Ван Гунбо, которому поручен пересмотр дела, погибает, пытаясь спасти от наемных убийц свидетельницу, чьи показания могли бы восстановить справедливость.

Ряд примеров подобных произведений можно продолжить. Как справедливо отмечал В. Ф. Сорокин, «...обличение преступлений “четверки”, которая изображалась единственным виновником всех бед, постигших Китай за пред-

³ В этом призыве каждый китайский читатель, разумеется, увидит переключку с призывом Лу Синя «Спасите детей!» (救救孩子) в его «Дневнике сумасшедшего» (1918).

шествующее десятилетие, носило яростный характер и охватывало самые различные жанры — от гневных поэтических инвектив до карикатуры» [Сорокин 1989: 20].

В декабре 1978 г. состоялся знаковый III пленум ЦК КПК 11-го созыва, на котором прозвучало осуждение «культурной революции», был взят новый политический курс (на модернизацию Китая). Реабилитация несправедливо осужденных деятелей литературы и искусства пошла ускоренными темпами, репрессированные в годы «культурной революции» писатели и поэты возвращались на руководящие посты в творческих союзах и редакциях журналов и активно включались в работу. Многие произведения, основанные на автобиографическом материале, вызывали горячий отклик и у читателей, и у критики.

На первом в истории страны литературном конкурсе, организованном в марте 1979 г. журналом «Жэньминь вэньсюэ» («Народная литература»), было названо 25 лучших рассказов 1977–1978 гг., первой премии был удостоен рассказ «Классный руководитель», вторую получил рассказ «Святая миссия» Ван Япина.

С 30 октября по 16 ноября 1979 г. проходил IV съезд ВАРЛИ, ознаменовавший возрождение литературы и искусства и являвшийся, вероятно, самым важным событием художественной жизни Китая в 1979 г. В его работе приняли участие Дин Лин, Ай Цин, Ван Мэн, Лю Биньянь и многие другие представители китайской творческой интеллигенции, пострадавшие в ходе «культурной революции» и предшествовавших ей политических кампаний (в частности, кампании «борьбы с правыми элементами» 1957 г.⁴). Среди 3200 участников съезда нашлось немало людей, прикованных к инвалидной коляске или способных передвигаться лишь на костылях. На открытии съезда Мао Дунь огласил список деятелей литературы и искусства, «погибших в результате преследований и оклеветанных посмертно», и призвал почтить их память [Маркова 2004: 517–518]. Выступивший с приветствием к участникам съезда Дэн Сяопин высказался в поддержку «литературы шрамов» [Гао 2016]. Заместителями председателя ВАРЛИ были избраны реабилитированные Ба Цзинь, Се Бинсинь, Ся Янь.

Вероятно, единодушие, с которым представители «литературы шрамов» возлагали ответственность за все бедствия народа на «банду четырех», было продиктовано не только указаниями «сверху» (на IV съезде ВАРЛИ избранный ее председателем Чжоу Ян одобрительно отозвался о произведениях, критикующих период господства «банды четырех» [Сорокин 1989: 8–9]). Это была своеобразная попытка пережить травмирующий опыт максимально щадящим образом. Как отмечал Чэнь Сяомин (陈晓明) в книге «Тенденции новейшей китайской литературы» (2009), благодаря этому молодое поколение (многие представители которого, как мы помним, были хунвэйбинами!) «превратилось в пострадавшую сторону, которой можно простить некоторые поступки» [Чэнь 2019: 233]. По его мнению, «выявление “главных виновников” позволяло оправдать отдельных лиц, сплотиться и посмотреть в будущее. Вопросы истории и человеческой природы оставались нераскрытыми» [Там же: 234]. Действительно, в произведениях «литературы шрамов», как правило, не анализировались причины, которые привели страну к катастрофе, не ставился

⁴ С 1957 по 1964 г. «правыми элементами» были признаны более 850 тыс. человек [Тихвинский 2016: 61].

вопрос об ответственности хунвэйбинов за их действия. «Очевидно, ставилась задача — дать выход народному гневу, направив его против устранимых деятелей» [Сорокин 1989: 29].

Помимо критики действий «четверки», в «литературе шрамов» так или иначе затрагивалась проблема молодых людей, которых заманили, обманули, оглушили красивыми лозунгами. Примером тому — одна из первых повестей Фэн Цзицая «На развилке, усыпанной цветами» (铺花的歧路, 1979) [Фэн 1984] (рус. пер.: «На тропинке, усыпанной цветами...» [Фэн 1987: 17–93]). Название повести автор объясняет так: «Злодеи, скрывающие свой истинный облик, преподносят яд в сахарной оболочке. От прямой дороги отходят усыпанные цветами кривые тропинки» [Там же: 18]. Выражение 歧路 (*qílù*), равно как и синонимичное ему 歧途 (*qítú*), также используемое автором повести, буквально означает ответвление дороги; развилку, в переносном смысле — ложный, ошибочный путь, кривую (неверную) тропу. В названии повести содержится аллюзия на выражение 歧路亡羊 (*qílù wáng yáng* ‘сбиться с правильного пути (в поисках истины)’, букв. «на развилке дорог потерять барана»), которое встречается в книге «Ле-цзы», составленной последователями даосского мыслителя Ле Юйкоу (ок. 430 — ок. 349 до н. э.). Таким образом, по мысли Фэн Цзицая, молодежь и обманули, заманили на кривые дорожки, заставив свернуть с верного пути.

Акцент в повести сделан на раскаянии героини, бывшей хунвэйбинки Бай Хуэй. В начале повести она, 17-летняя школьница, кричит: «В революции нужна великая резня, великая буря, нужно железным кулаком разбить врагов революции! Нужно красным террором загнать врагов в могилу!» [Фэн 1987: 42–43]. Но десять лет спустя, понимая, что ее поколение использовали в политических играх, она, чувствуя свою вину, не находит душевного спокойствия, считая, что своим участием в избиении учителей покрыла себя позором и неоднократно называет себя преступницей. В прощальном письме отцу она пишет: «Оказывается, я стала “пушечным мясом” для нескольких гнуснейших и лицемернейших карьеристов и интриганов. Была одурманена их зельем, залечена на кривую дорожку (被他们引入歧途; разрядка моя. — А. К.)» [Фэн 1984: 140]. Лейтмотив отравляющего воздействия на юные души ультралевацкой идеологии «культурной революции», манипуляций подростками со стороны старших товарищей, впервые появившийся в упомянутом рассказе Лю Синьчу «Классный руководитель», звучит и в других произведениях «литературы шрамов».

Китайская критика, говоря о «литературе шрамов», называла ее также «прорывом в запретную для литературы зону», поднимая под этим в первую очередь произведения о произволе, творившемся в тюрьмах и исправительно-трудовых лагерях. Первым эту тему затронул Цун Вэйси (丛维熙, 1933–2019), перенесший на страницы книг свой трагический опыт: причисленный в 1957 г. к «правым», он более 20 лет провел в исправительно-трудовых лагерях и лишь в 1979 г. смог вернуться к писательской деятельности. Его повесть «Красная магнолия у тюремной стены» (大墙下的红玉兰, 1979) [Цун 1986: 1–68] (рус. пер.: «Красная магнолия у каменной стены» [Цун 1988]), главный герой которой, политзаключенный и бывший сотрудник госбезопасности, несправедливо гибнет в тюрьме без всякого приговора, породила множество подражаний,

получивших в китайской критике название «литературы высоких стен» (大墙文学, *dàqiáng wénxué*)⁵ — своего рода эквивалента русской «лагерной прозы».

Широкую известность получила также повесть Цун Вэйси «Десятое пулевое отверстие» (第十个弹孔, 1979) [Цун 1979], на основе которой в дальнейшем был создан киносценарий. Главный герой, начальник отдела общественной безопасности Лу Хун, был репрессирован в годы «культурной революции» и десять лет провел в заключении. Первым же делом, которым ему поручили заниматься после реабилитации и восстановления в должности, оказалось дело о взрыве моста — к нему был причастен его собственный сын. Это повесть о драматических судьбах детей, чьи родители попали в жернова репрессий: многие из них, оставшись без попечения родителей, примкнули к преступному миру. Несмотря на то что окружающие сочувствуют Лу Хуну и обстоятельства складываются так, что его сын может уйти от ответственности, отец добивается вынесения приговора. Ветеран войны, раненный девять раз, он словно получает «десятую пулю». Шокирующие по силе своего воздействия повести Цун Вэйси вызвали большой резонанс и привели к дискуссиям о трагических темах в социалистической литературе того времени.

С приходом «литературы шрамов» в литературе КНР впервые так остро зазвучала тема трагического конфликта человека и социума. Немыслимое прежде существование трагического в новом обществе, в эпоху социализма, вдруг стало не просто возможным — трагедия доминировала в китайской литературе 1970-х — начала 1980-х годов. Оказалось, как отмечает А. Н. Желоховцев, «что ни об одном китайце вообще нельзя ничего правдиво написать, если, хотя бы бегло, очерково, абрисно, не показать его отношения к событиям “культурной революции”, к пережитым им перипетиям или же к пострадавшим от нее близким ему людям» [Желоховцев 1998: 138].

Несмотря на очевидный прорыв в идеологическом смысле, при создании образов персонажей в «литературе шрамов» зачастую использовался набор определенных клише: среди положительных героев обязательным было присутствие скромного и добросовестного труженика (например, учитель из рассказа «Классный руководитель») и старого коммуниста, прошедшего тяжкие испытания в период «культурной революции», но оставшегося верным родине, партии и народу [Желоховцев, Сорокин 1982: 15–16]. Нередко выводился тип бывшего хунвэйбина, разочаровавшегося в прежних идеалах и тоже, по замыслу авторов, являющегося невольной жертвой «культурной революции» (героиня повести «На развилке, усыпанной цветами» Фэн Цицая). К характерным чертам «литературы шрамов» относится использование бинарной оппозиции «положительный герой — отрицательный герой», определяемой по политическим критериям, а также заранее заданный финал, в котором непременно побеждает героический персонаж или правильный курс.

Как было сказано выше, «литература шрамов» — не самоназвание, данное авторами, принадлежащими к данному течению, оно возникло как результат полемики между литературоведами и критиками, организованной с подачи литературных журналов. Несмотря на очевидное, казалось бы, ослабление идеологического контроля после окончания «культурной революции», назва-

⁵ «Высокая стена» (大墙) — эвфемизм для тюрьмы.

ние «литература шрамов» не одобрялось властью и даже наделялось отрицательными коннотациями: в 1979 г. в прессе Китая появились статьи, авторы которых выступали против употребления выражений «литература шрамов» и «обличительная литература» (暴露文学, *bàolù wénxué*), призывая не акцентировать внимание на мрачных сторонах прошлого и указывая на высокие репутационные риски для КПК.

В журнале «Литература и искусство провинции Хэбэй» (河北文艺, 1979, № 6) была опубликована статья молодого хэбэйского писателя Ли Цзяня (李剑) «Воспевание морали и “аморальность”» (歌德与《缺德》), в которой содержалась критика рассматриваемого течения. Автор статьи, в которой заметны отголоски «культурной революции», полагал, что разоблачение авторами «литературы шрамов» темных сторон жизни социалистического общества «аморально», что социалистическая литература может только «воспевать мораль» и что произведения «литературы шрамов» являются «преисполненными классовых предрассудков зловными нападками на социализм» (цит. по: [Лэй 2009 (гл. 3)]). Статья вызвала бурную полемику в литературных кругах, длившуюся несколько месяцев, в том числе на полосах газет «Гуанмин жибао», «Хунци» и «Жэньминь жибао». В частности, в «Гуанмин жибао» была опубликована статья Ван Жована «Порыв холодного ветра весной», в которой он обрушился с критикой на Ли Цзяня, заявив, что тот высказывает «бредовые идеи» и что он «еще хлеще, чем Цзян Цин» [Ван 1979]. Противоборствующие стороны вели крайне эмоциональную дискуссию с навешиванием политических ярлыков в стиле дацзыбао, и это не случайно: за отрицанием «культурной революции» определенные силы увидели потенциальную угрозу отрицания марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна, диктатуры пролетариата и главенствующей роли компартии.

Полемика настолько затянулась, что решение вопроса о дальнейшей судьбе «литературы шрамов» перешло в ведение Ху Яобана (胡耀邦), в то время заведующего отделом пропаганды ЦК КПК, а тот после долгих консультаций собрал масштабное совещание и озвучил хорошо известный лозунг «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ». Два года спустя, в октябре 1981 г., откликнувшись на резкую критику романа теперь уже самого Ли Цзяня (также посвященного событиям «культурной революции»), Ху Яобан заявил, что в мире литературы и искусства он выступает «за демократическую литературную критику, не будем задавать трепку, приклеивать ярлыки и ловить на промахах» [Лэй 2009 (гл. 3)]. Сам факт, что государственному и политическому деятелю уровня заведомо пропаганды ЦК пришлось вмешаться в полемику о литературных произведениях, показывает: для китайского руководства обличительный характер нового течения являлся вопросом первостепенной важности.

Весьма любопытны также усилия цензуры, направленные на снижение репутационных рисков для компартии. По воспоминаниям редактора журнала «Народная литература» Ту Гуанцюня, при рассмотрении в журнале рукописи рассказа Ван Япина «Святая миссия» редакторы, дважды отклонив ее, после множества консультаций (в том числе с партийным начальством и сотрудниками органов общественной безопасности) рекомендовали автору «понизить» главного отрицательного персонажа в должности: если в первоначальном

варианте рассказа приспешник «банды четырех» был секретарем провинциального комитета компартии и руководителем ревкома, в финальной версии он оказался лишь заместителем начальника ревкома. В качестве мотивации такого решения прозвучал следующий аргумент: «...за последние несколько лет имиджу компартии в обществе из-за “банды четырех” нанесен достаточно тяжелый урон, у некоторых молодых людей возник кризис веры» [Ту 2005].

В начале 1980-х «литература шрамов» трансформировалась в «литературу дум о прошедшем» (反思文学, *fǎnsī wénxué*, вариант перевода — «литература рефлексий»)⁶. У авторов этого течения события десятилетней смуты («культурной революции») служат отправной точкой для размышлений, поисков причин произошедшего, философских раздумий. В отличие от «литературы шрамов», в «литературе рефлексий» затрагиваются не только социальные, но и нравственные, культурные аспекты произошедшей трагедии. Это литература исторической ретроспективы, в которой впервые было сказано об ответственности партийной элиты перед народом.

В обоих течениях ряд критиков увидел отход от классового характера литературы в сторону гуманизма, и в газетах развернулась дискуссия о том, не является ли такой подход ревизионистским (см., например: [Жу 1980]). Излишне напоминать, насколько остро в тот политический период в КНР воспринималось понятие «ревизионизм», не сходившее с повестки дня еще несколько лет после окончания «культурной революции».

В 1979–1982 гг. шла массовая кампания по реабилитации репрессированных при «культурной революции», коснувшаяся в том числе многих деятелей литературы и искусства. Однако первая половина 1980-х была отмечена продолжающейся идеологической борьбой двух линий в ЦКП и, как следствие, крайне нестабильным политическим курсом в отношении литературы. Летом 1981 г. руководство КНР приняло решение «о преодолении расхлябанности в руководстве литературой и искусством»⁷ и о развертывании кампании критики и самокритики, направленной против «буржуазной либерализации». Особенно жесткой критике в прессе был подвергнут киносценарий Бай Хуа (白桦, 1930–2019) «Горькая любовь» (苦恋, 1979) за изображение «культурной революции» в чрезмерно трагических тонах и «упрощенческий» подход к культуре личности Мао Цзэдуна [Сорокин 1989: 12]. Все копии фильма⁸ были изъяты из обращения, а автор сценария был вынужден писать публичные покаянные письма с самокритикой. Примечательно, что ни один китайский писатель не присоединился к шельмованию Бай Хуа [Leung 2016: 17–19].

В октябре 1983 г. началась кампания «по искоренению духовного загрязнения» (清除精神污染运动, *qīngchú jīngshén wūrǎn yùndòng*), продлившаяся до февраля 1984 г. Поводом для нее стал прозвучавший на II пленуме ЦК КПК 12-го созыва призыв Дэн Сяопина к борьбе против «духовного загрязнения» на идеологическом фронте для защиты «духовной культуры». «Сущностью

⁶ «К ней относятся такие произведения, как «С большевистским приветом» (1979) и «Мотылек» (1980) Ван Мэна, «Мимоза» (1984) Чжан Сяньляна, «Ли Шуньда строит дом» (1979) Гао Сяошэна, «В долине Лотосов» (1981) Гу Хуа, «Думы» (1978–1986) Ба Цзиня и др.

⁷ Точка отсчета этой кампании — VI пленум ЦК КПК 11-го созыва (27–29 июня 1981 г.).

⁸ Фильм «Солнце и человек» (1980) Чанчуньской киностудии, режиссер Пэн Нин.

“духовного загрязнения” он назвал распространение буржуазных взглядов, недоверие к социализму, коммунизму и руководству компартии» [Виноградов 2016: 304]. Критике подверглись тогдашний председатель ВАРЛИ, публицист и идеолог литературы Чжоу Ян (周扬, 1908–1989)⁹ и заместитель главного редактора «Жэньминь жибао» Ван Жошуй — за «гуманизм» и «отчуждение»¹⁰, а также ряд китайских драматургов. Однако очень скоро эта кампания с ее левацкой риторикой и накалом страстей вызвала серьезные опасения насчет потенциального возврата к «культурной революции» как китайской интеллигенции, так и руководства КНР, и пошла на убыль благодаря вмешательству все того же Ху Яобана¹¹. Несмотря на непродолжительность кампании, шок, который испытала от нее интеллигенция, оказался весьма сильным и, естественно, оказал влияние на литературную жизнь Китая.

Принципиально важно то, что на фоне кампании против «духовного загрязнения» шла длительная подготовительная работа к съезду Союза писателей Китая (СПК), начавшаяся в июне 1983 г. с санкции ЦК КПК (первоначально проведение съезда планировалось на конец 1983 г.). Предстояло переизбрать председателя СПК (занимавший этот пост Мао Дунь скончался в марте 1981 г.) и других членов правления. За полтора года, предшествующих съезду, предлагаемые списки членов секретариата и членов правления организации неоднократно корректировались, шла серьезная политическая игра.

В зависимости от выбора того или иного кандидата на пост секретаря партийной организации СПК китайское литературное сообщество получало сигнал о том, какова может быть политика государства в области литературы, в частности, возможно ли восстановление доверия со стороны властей к представителям творческой интеллигенции, пострадавшим от репрессий. Поочередно рассматривались кандидатуры Хэ Цзинчжи, Ма Фэна, Ван Мэна и Тан Дачэна [Чэнь 2016].

Поэт и драматург Хэ Цзинчжи (贺敬之, род. в 1924 г.), выросший как профессионал в Яньани, в соавторстве с Дин Ни написал музыкальную драму «Седая девушка» (1946), удостоенную Сталинской премии и во время «культурной революции» являвшуюся одной из немногих разрешенных к постановке пьес. Автор многих стихотворений и поэм, воспевающих народную республику и ее героев (в том числе поэмы «Песнь о Лэй Фэне»), с 1977 г. он занимал пост заместителя культуры КНР, на момент подготовки к съезду Союза писателей (с августа 1980 г.) — пост заместителя руководителя Отдела пропаганды ЦК КПК, на котором курировал вопросы литературы и искусства.

У Ма Фэна (马烽, 1922–2004), соавтора (вместе с Си Жуном) романа «В горах Ляойяна» (1945), известного произведениями о Народно-освобо-

⁹ Будучи одним из идеологов литературной политики КПК в годы «культурной революции», Чжоу Ян позднее сам был репрессирован, провел в тюрьме девять лет (1966–1975), но и после реабилитации в 1979 г. подвергался критике как представитель марксистско-гуманистической «школы отчуждения».

¹⁰ Ван Жошуй занимался изучением ранних теорий Маркса об отчуждении труда. В январе 1983 г. он опубликовал статью «В защиту гуманизма», в которой подверг критике противопоставление марксизма и гуманизма. Подробнее см.: [Виноградов 2016: 303–307].

¹¹ Все же давление на Ван Жошуй и главного редактора «Жэньминь жибао» Ху Цзизя оказалось достаточно мощным, и в начале декабря они подали в отставку [Виноградов 2016: 303–307].

дательной армии Китая, было много общего с Хэ Цзинчжи: оба родились в семьях бедняков и с юношеских лет принимали участие в революционном движении. Однако в 1950-е годы Ма Фэн подвергался критике в ходе кампании борьбы с «правым оппортунизмом» (не слишком, впрочем, серьезной: он отделался выговором по партийной линии).

Наиболее крупный и известный писатель из всех четверых кандидатов, и вместе с тем больше всех пострадавший в ходе политических кампаний, — безусловно, Ван Мэн (王蒙, род. в 1934 г.). Автор рассказов и повестей «Весенние голоса», «Грезы о море», «Компривет» и других, он был репрессирован в 1957 г. за рассказ «Новичок пришел в орготдел», отправлен в Синьцзян «на трудовое воспитание» и реабилитирован только в 1979 г.

Тан Дачэн (唐达成, 1928–1999) известен не столько литературными трудами, сколько работой на поприще журналистики, литературной критики и редатуры. Уроженец г. Чанша, земляк Мао Цзэдуна, убежденный коммунист, в 1958 г. он был причислен к «правым», а с 1978 г. занимал пост заместителя главного редактора газеты «Вэнь бао». Он-то и стал в итоге секретарем партийной организации СПК, а Ван Мэну предстояло в 1986 г. занять пост министра культуры КНР.

IV съезд СПК проходил с 24 декабря 1984 по 6 января 1985 г. На нем прозвучали лозунги об искоренении левацких перекосов и призывы гарантировать свободу творчества и критики [Хун 1999: 227]. Их озвучили выступавший с приветственным словом от имени секретариата ЦК КПК Ху Цили и секретарь парткома СПК Чжан Гуаньянь. Были внесены изменения в устав СКП, в частности, добавлен пункт о гарантировании свободы заниматься творчеством, научно-исследовательской работой, устанавливать международные связи в области литературы [Маркова 2004: 533–534]. Ху Яобан также настоял на том, чтобы организационный отдел ЦК не вмешивался в формирование руководства СПК. В результате председателем Союза был избран репрессированный во время «десятилетия бедствий», прошедший через публичные унижения и побои на «митингах борьбы» Ба Цзинь, его первым заместителем — Ван Мэн, в число остальных заместителей вошли реабилитированные Дин Лин, Ай Цин, Лю Биньянь и другие писатели. «Литература шрамов» получила официальное признание. Эти принципиальные решения привели к тому, что 1984 год в целом стал важной вехой развития китайской литературы.

Таким образом, полемика по поводу «литературы шрамов» началась сразу же после ее возникновения. Существенная часть данной полемики, носившая непубличный характер, остается скрытой от исследователя, изредка имеющего возможность ознакомиться с ней благодаря публикациям мемуаров редакторов литературных журналов или авторов литературных произведений. Очевидно, однако, что в первые годы после «культурной революции» дебаты велись в основном вокруг тематики новых произведений и названия течения, почти не касаясь собственно литературных аспектов, что вполне естественно: «литература шрамов» была тесно связана с политической историей КНР, и ее невозможно рассматривать в отрыве от политических реалий Китая. В более широком смысле это был спор о возможной переоценке взаимоотношений литературы и политики и о сути реализма как творческого метода.

Потребность в критике «культурной революции» очень скоро утратила для политического руководства свою остроту. Уже в начале 1980-х зазвучали при-

звыи писать о современных преобразованиях в стране и об успехах «четырёх модернизаций», и на первый план выходит выполняющая соцзаказ «литература реформ» (改革文学, *gǎigé wénxué*) с ее типажными успешными, энергичными руководителями¹². Но, несмотря на диаметрально противоположные точки зрения относительно «литературы шрамов» в высших эшелонах власти, имевшая место в конце 1970-х — начале 1980-х годов солидарность реабилитированных и вернувшихся к власти политработников с литературными силами благоприятствовала восстановлению и процветанию литературы.

Что касается собственно литературной критики, уже в середине 1980-х китайские литературоведы отмечали, что образы Се Хуэйминь и Сун Баоци из рассказа «Классный руководитель» — это образы «детей с тяжелыми патологиями» (畸形儿形象, *jīxíng'ér xíngxiàng*) [Бай 1985: 145]. Много позже, уже в XXI в., необратимые деформации личности и психологические травмы персонажей окажутся в фокусе внимания современных китайских литературоведов: «...с сегодняшней точки зрения, психологическая история, раскрывающая тяжелую деформации личности Ван Сяохуа (героини рассказа «Шрамы». — А. К.) более значима, нежели структурная модель экстралитературной критики политической истории» [Лэй 2009 (гл. 3)].

С возникновением «литературы шрамов» в китайской литературе впервые появилось так много художественных произведений, описывающих унижение и преследование отдельных людей в социуме. Это дало основание некоторым критикам утверждать, что появление «литературы шрамов» положило конец «безличной» (非人, *fēirén*) литературе, преобладавшей с момента основания КНР, — т. е. литературе, игнорировавшей человека, его внутренний мир, его эмоции [Лэй 2009 (гл. 3)]. Вместе с тем китайские литературоведы отмечают: «...топорность и прямолинейность “литературы шрамов”, критика идеологии на эмоциональном уровне и упрощенная трактовка причин страданий жертв — все это ограничило литературные достижения этого направления и привело к тому, что многие произведения описывали людей, не касаясь глубин человеческой натуры» [Лэй 2009 (гл. 3)].

«Литература шрамов» создавалась людьми травмированными и для травмированных — она «отразила уникальный эмоциональный опыт и внутреннюю боль эпохи, обеспечив уникальное духовное богатство для будущего исторического общества и литературы. Ее значение в истории литературы невозможно игнорировать» [Лэй 2009 (гл. 3)].

По прошествии нескольких десятилетий, когда политический накал и идеологическая напряженность вокруг «культурной революции» снизились и Китай наводнили переводы и публикации произведений всевозможных литературных течений, «литература шрамов» продолжает вызывать интерес — но уже с точки зрения репрезентации в литературе эмоционального опыта переживания психотравмы.

¹² У истоков «литературы реформ» стояли рассказ Цзян Цзылуна (род. в 1941 г.) «Директор Цяо приходит на завод» (1979) и его же повесть «Первопроходец» (1981). К этому течению относят также повесть Чжан Сяньляна «Мужской характер» (1983), романы Чжан Цзе «Тяжелые крылья» (1981) и Кэ Юньлу «Новая звезда» (1984) и др. К концу 1980-х «литература реформ» прекратила свое существование.

Источники

- Ван 1979 — 王若望. 春天里的一股冷风 // 光明日报. 1979年7月20日. [Ван Жован. Порыв холодного ветра весной // Гуанмин жибао. 1979. 20 июля]. (На кит. яз.).
- Ван 1996 — 王亚平. 神圣的使命 // 短篇小说: 神圣的使命. 北京: 群众出版社, 1996. 323–353 页. (丛书: 当代中国公安文学大系; 1) [Ван Япин. Святая миссия // Святая миссия: Рассказы. Пекин: Цюньчжун, 1996. С. 323–353]. (На кит. яз.).
- Воскресенский 2007 — Китайские метаморфозы: Современная китайская художественная проза и эссеистика / Сост. и отв. ред. Д. Н. Воскресенский; Пер. с кит. С. Торопцева и др. М.: Вост. лит., 2007.
- Желоховцев 1983 — Человек и его тень: Сб. повестей / Пер. с кит.; Сост., предисл., коммент. А. Н. Желоховцева. М.: Мол. гвардия, 1983.
- Желоховцев, Сорокин 1982 — Люди и оборотни: Рассказы китайских писателей: Сб. / Пер. с кит.; Сост. и предисл. А. Желоховцева, В. Сорокина. М.: Прогресс, 1982.
- Жу 1980 — 汝信. 人道主义就是修正主义吗? — 对人道主义的再认识 // 人民日报. 1979年8月15日 [Жу Синь. Является ли гуманизм ревизионизмом? Переосмысление гуманизма // Жэньминь жибао. 1980. 15 авг.]. (На кит. яз.).
- Лю 1950 — 刘少奇. 论党. 北京: 人民出版社, 1950. [Лю Шаоци. О партии. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1950]. Цит. по 71.cn. URL: <http://www.71.cn/2012/0423/613637.shtml>. (На кит. яз.).
- Лю 1977 — 刘心武. 班主任 // 人民文学. 第11期. 16–19 页 [Лю Синьву. Классный руководитель // Народная литература. 1977. № 11. С. 16–29]. (На кит. яз.).
- Лю 1982 — Лю. Классный руководитель / Пер. А. Желоховцева // Люди и оборотни: Рассказы китайских писателей: Сб. / Пер. с кит.; Сост. и предисл. А. Желоховцева, В. Сорокина. М.: Прогресс, 1982. С. 84–106.
- Рифтин 1985 — Средний возраст: Сб. / Пер. с кит.; Сост. и предисл. Б. Л. Рифтина. М.: Радуга, 1985.
- Федоренко 1988 — Современная китайская проза: Сб. / Пер. с кит.; Сост. и предисл. Н. Федоренко. М.: Радуга, 1988.
- Фэн 1984 — 冯骥才. 铺花的歧路 // 冯骥才选集 (全三册). 第二册. 天津: 百花文艺出版社, 1984. 5–142 页 [Фэн Цзицай. На развилке, усыпанной цветами // Фэн Цзицай. Избр. соч.: В 3 т. Т. 2. Тяньцзинь: Байхуа вэньи чубаньшэ, 1984. С. 5–142]. (На кит. яз.).
- Фэн 1987 — Фэн Цзицай. Повести и рассказы: Сб. / Пер. с кит.; Сост. и предисл. Б. Рифтина. М.: Радуга, 1987.
- Цун 1979 — 从维熙. 第十个弹孔 // 十月. 第1期. 128–157 页 [Цун Вэйси. Десятое пулевое отверстие // Октябрь 1979. № 1. С. 128–157]. (На кит. яз.).
- Цун 1986 — 从维熙. 从维熙集. 福州: 海峡文艺出版社, 1986 [Цун Вэйси. Собр. соч. Фучжоу: Хайся вэньи чубаньшэ, 1986]. (На кит. яз.).
- Цун 1988 — Цун Вэйси. Красная магнолия у каменной стены / Пер. Д. Саприки // Современная китайская проза: Сб. / Пер. с кит.; Сост. и предисл. Н. Федоренко. М.: Радуга, 1988. С. 16–60.

Литература

- Бай 1985 — 新时期小说六年 (1976.10–1982.9) / 责任编辑: 白桦. 北京: 中国社会科学出版社, 1985. [Шесть лет литературы нового периода (октябрь 1976 — сентябрь 1982 г.) / Под ред. Бай Хуа. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 1985]. (На кит. яз.).
- Виноградов 2016 — Виноградов А. В. Кампания по борьбе с «духовным загрязнением» // История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. / Гл. ред. акад. РАН С.Л. Тихвинский. Т. 9: Реформы и модернизация (1978–2009) / Отв. ред. А. В. Виноградов. М.: Наука, 2016. С. 303–307.

- Гао 2016 — 高冠龙. 邓小平“在中国文学艺术工作者第四次代表大会上的祝词”探析 // 党史博览. 2016年第4期 [Гао Гуаньлун. Анализ «Приветствия Дэн Сяопина к участникам 4-го съезда ВАРЛП» // Материалы по истории партии. 2016, № 4]. Цит. по: Zgdsw.com. URL: <http://www.zgdsw.com/article/635.html>. (На кит. яз.).
- Желоховцев 1998 — Желоховцев А. Н. Тема социальной несправедливости в современной китайской литературе // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 1. С. 130–141.
- Лэй 2009 — 近三十年中国文学思潮 / 雷达主编. 兰州: 兰州大学出版社, 2009 [Течения в китайской литературе за последние тридцать лет / Под ред. Лэй Да. Ланьчжоу: Ланьчжоу дасюэ чубаньшэ, 2009]. Цит. по: Chinawriter.com.cn. URL: <http://www.chinawriter.com.cn/zxyd/2009-11-23/221.html>. (На кит. яз.).
- Маркова 2004 — Маркова С. Д. Китайская интеллигенция на изломах XX века (очерки выживания) / Под общ. ред. В. С. Мясникова. М.: Гуманитарий, 2004.
- Сорокин 1989 — Литература и искусство КНР, 1976–1985 / [В. Ф. Сорокин, Н. Е. Боревская, И. В. Гайда и др.; Отв. ред. В. Ф. Сорокин]. М.: Наука; Гл. ред. вост. лит., 1989.
- Тихвинский 2016 — История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. / Гл. ред. акад. РАН С.Л. Тихвинский. Т. 9: Реформы и модернизация (1978–2009) / Отв. ред. А. В. Виноградов. М.: Наука, 2016.
- Ту 2005 — 涂光群. 五十年文坛亲历记. 沈阳: 辽宁教育出版社, 2005 [Ту Гуанцзюнь. Пятьдесят лет в мире литературы. Шэньян: Ляонин цзяоюй чубаньшэ, 2005]. Цит. по Lhh1.com. URL: <https://www.lhh1.com/modules/news/newshow.php?id=43&charset=gbk>. (На кит. яз.).
- Хун 1999 — 洪子城. 中国当代文学史. 北京: 北京大学出版社, 1999 [Хун Цзычэн. История современной китайской литературы. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 1999]. (На кит. яз.).
- Чэнь 1999 — 中国当代文学史教程 / 陈思和主编. 上海: 复旦大学出版社, 1999 [Курс истории современной китайской литературы / Под ред. Чэнь Сыхэ. Шанхай: Фудань дасюэ чубаньшэ, 1999]. (На кит. яз.).
- Чэнь 2016 — 陈晓萍. 1984年中国作协选举风波 [Чэнь Сяопин. Перипетии выборов в Союз писателей Китая в 1984 г.] // Chinawriter.com.cn. 2009年11月19日. URL: <http://www.chinawriter.com.cn/bk/2016-01-28/85681.html>. (На кит. яз.).
- Чэнь 2019 — Чэнь Сяопин. Тенденции новейшей китайской литературы / Пер. с кит. А. А. Никитиной, М. С. Яковенко, К. В. Батыгина. М.: ООО Междунар. изд. компания «Шанс», 2019.
- Leung 2016 — Leung L. Contemporary Chinese fiction writers: Biography, bibliography, and critical assessment. New York; London: Routledge, 2016.

References

- Bai, Hua (Ed.) (1985). *Xin shiqi xiaoshuo liu nian (1976.10–1982.9)* [Six years of literature of a new period (1976.10 - 1982.9)]. Zhongguo shehui kexue chubanshe. (In Chinese).
- Chen, Sihe (Ed.) (1999). *Zhongguo dangdai wenxueshi jiaocheng* [Course on the history of modern Chinese literature]. Fudan daxue chubanshe. (In Chinese).
- Chen, Xiaoming (2009). *Zhongguo dangdai wenxue zhuchao* [Trends of the latest Chinese literature]. Beijing daxue chubanshe. (In Chinese).
- Chen, Xiaoping (2016, November 19). 1984 nian zhongguo zuoxie xuanju fengbo [The election storm of the Chinese Writers Association in 1984]. *Chinawriter.com.cn*. <http://www.chinawriter.com.cn/bk/2016-01-28/85681.html>. (In Chinese).
- Gao, Guanlong (2016). Deng Xiaoping “Zai Zhongguo wenxue yishu gongzuozhe di si ci daibiao dahuishangde zhuci” tanxi [Analysis of Deng Xiaoping’s “Greetings at the Fourth Congress of Chinese Literary and Art Workers”]. *Dangshi bolan*, 2016(4). Quote from *Zgdsw.com*. <http://www.zgdsw.com/article/635.html>. (In Chinese).

- Hong, Zicheng (1999). *Zhongguo dangdai wenxue shi* [History of contemporary Chinese literature]. Beijing daxue chubanshe. (In Chinese).
- Lei, Da (Ed.) (2009). *Jin sanshi nian zhongguo wenxue sichao* [Trends in Chinese literature over the past thirty years]. Lanzhou daxue chubanshe. Quoted from *Chinawriter.com.cn*. <http://www.chinawriter.com.cn/zxyd/2009-11-23/221.html>. (In Chinese).
- Leung, L. (2016). *Contemporary Chinese fiction writers: Biography, bibliography, and critical assessment*. Routledge.
- Markova, S. D. (2004). *Kitaiskaia intelligentsiia na izlomakh XX veka (oчерki vyzhivaniia)* [Chinese intelligentsia on the fractures of the 20th century (Essays about survival)] (V. S. Miasnikov, Ed.). Gumanitarii. (In Russian).
- Sorokin, V. F. (Ed.) (1989). *Literatura i iskusstvo KNR, 1976–1985* / [Literature and art of the People's Republic of China, 1976–1985]. Nauka; Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury. (In Russian).
- Tikhvinskii, S. L. (Ed.) (2016). *Istoriia Kitaia s drevneishikh vremen do nachala XXI veka: V 10 t. T. 9: Reformy i modernizatsiia (1978–2009)* [The history of China from ancient times to the beginning of the XXI century: In 10 vols. Vol. 9, Reforms and modernization (1978–2009)]. Nauka. (In Russian).
- Tu, Guangqun (2005). *Wushi nian wentan qinli ji* [Fifty years of experience in the literary world]. Liaoning jiaoyu chubanshe. Quoted from *Lhh1.com*. <https://www.lhh1.com/modules/news/newshow.php?id=43&charset=gbk> (In Chinese).
- Vinogradov, A. V. (2016). Kampaniia po bor'be s "dukhovnym zagriazneniem" [The campaign against "spiritual pollution"]. In S. L. Tikhvinskii (Ed.). *Istoriia Kitaia s drevneishikh vremen do nachala XXI veka (10 Vols.)*, Vol. 9, *Reformy i modernizatsiia (1978–2009)* (A. V. Vinogradov, Ed.) (pp. 303–307). Nauka. (In Russian).
- Zhelokhovtsev, A. N. (1998). Tema sotsial'noi nespravedlivosti v sovremennoi kitaiskoi literature [The theme of social injustice in contemporary Chinese literature]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 1998(1), 130–141. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Анастасия Николаевна Коробова

кандидат филологических наук
ведущий научный сотрудник, Центр
изучения культуры Китая, Институт
Китая и современной Азии РАН
Россия, 117997, Москва, Нахимовский
пр-т, д. 32
Тел.: +7 (499) 124-02-17
✉ korobova@iccaras.ru

Anastasia N. Korobova

Cand. Sci. (Philology)
Leading Researcher, Center for the Study
of Chinese Culture, Institute of China
and Contemporary Asia of the Russian
Academy of Sciences
Russia, 117997, Moscow, Nakhimovsky
Prospekt, 32
Tel.: +7 (499) 124-02-17
✉ korobova@iccaras.ru